

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕЗУМПЦИИ ОТЦОВСТВА В СЛУЧАЯХ РОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ ВНЕ БРАКА

О.В. Подкорытова

Рассматриваются различные позиции ученых по поводу необходимости правового регулирования фактических внебрачных отношений в целом и применения презумпции отцовства в случаях рождения детей вне брака в частности.

Ключевые слова: брак; презумпция отцовства; установление происхождения детей; фактические внебрачные отношения.

В соответствии со статьей 50 Семейного кодекса Кыргызской Республики от 26 июня 2003 года (далее СК КР) права и обязанности роди-

телей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке. Из этого следует, что родительское право-

отношение возникает при наличии двух элементов фактического состава: факта происхождения ребенка от определенных лиц и фиксации этого факта.

Значение каждого из этих элементов разное. Если первый элемент типичен для любого родительского правоотношения, то второй – не отличается постоянством содержания. “Поскольку он фиксирует наличие кровной связи между родителями и детьми, регистрация записи каждый раз характеризуется своим особым содержанием” [1, 57]. Как утверждает Е.М. Ворожейкин, правоотношение между родителями и детьми возникает только при наличии двух элементов. При этом приоритет отдается первому элементу, так как отсутствие кровной связи между родителями и ребенком должно привести к прекращению данного правоотношения. Иначе это нарушает права истинного отца ребенка. Правоотношение не может существовать, по мнению Е.М. Ворожейкина, и тогда, когда лицо знает, что оно не является отцом ребенка, но все же регистрирует себя в качестве такового. В данном случае уместно будет только усыновление. Органы загса не должны производить запись об отце, если они информированы о том, что лицо, подающее заявление об установлении отцовства, им не является [1, 160]. Такая точка зрения прежде считалась достаточно распространенной. Например, М.Т. Оридорога также указывала на двухэлементный состав фактов, при наличии которых могло возникнуть правоотношение между ребенком и его родителями [2, 72].

Современные ученые не столь категорично высказываются по поводу того, что родство может быть только кровным. В последнее время все больше стали говорить о так называемом социальном родстве [3, 74]. Основанием тому послужили современные достижения в области медицины, связанные с применением методов искусственной репродукции человека. Возможно, и есть смысл согласиться с Е.М. Ворожейкиным по поводу того, что родство в принципе не может быть никаким иным, кроме как кровным. Однако рассматривать родство как обязательный факт в юридическом составе, порождающем правоотношение между родителями и детьми, в настоящее время уже не представляется возможным. Именно поэтому закон называет в качестве основания возникновения родительского правоотношения происхождение вообще, подразумеваемая при этом как кровное (как наиболее распространенное), так и социальное происхождение ребенка от родителей.

Регистрация происхождения ребенка от матери обычно больших сложностей не вызывает. Происхождение устанавливается органом записи актов гражданского состояния на основании справки о рождении, подтверждающей рождение ребенка матерью в медицинском учреждении, а в случае рождения ребенка вне медицинского учреждения – на основании справки, подтверждающей факт рождения ребенка, выданной врачом или медицинским работником, или решением суда (п. 1 ст. 51 СК КР). Данное положение дублирует и Закон Кыргызской Республики “Об актах гражданского состояния” от 12 апреля 2005 года (п. 1 ст. 14). Таким образом, регистрация рождения ребенка от матери производится органами загса только при наличии медицинской справки.

При установлении происхождения ребенка от отца немаловажное значение имеет факт нахождения родителей ребенка в браке. Так, если ребенок родился от лиц, состоящих в браке между собой, а также в течение трехсот дней с момента расторжения брака, признания его недействительным или с момента смерти супруга матери ребенка, отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери, если не доказано иное (п. 2 ст. 51 СК КР). Презумпция отцовства в литературе определяется как классическая презумпция, существующая в семейном праве [4, 144].

Следуя классификации презумпций на опровержимые и неопровержимые, презумпция отцовства может быть отнесена к числу опровержимых презумпций, то есть тех, которые могут быть опровергнуты путем доказывания несоответствия их действительности [5, 325].

В целом презумпция может быть определена как предположение, основанное на вероятности. “Высокая вероятность существования (или отсутствия) того или иного факта – наиболее надежный ориентир для законодателя, стремящегося определить своими правилами лучшие пути к поиску и установлению истины” [6, 90]. В связи с этим презумпция отцовства имеет ту же практическую значимость, что и любая другая презумпция. С одной стороны, наличие такой презумпции гораздо упрощает процедуру регистрации рождения ребенка, так как запись об отце вносится только на основании свидетельства о заключении брака между родителями ребенка. С другой стороны, в случае ее опровержения в суде бремя доказывания смещается в сторону того лица, который эту презумпцию собственно опровергает. Не вдаваясь в проблему реализации

презумпций в процессе доказывания по гражданским делам, следует отметить, что Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 29 декабря 1999 года (далее ГПК КР), к сожалению, не содержит правила распределения обязанности по доказыванию в случае применения так называемой доказательственной презумпции. Так, из смысла статьи 60 ГПК КР следует, что лица, участвующие в деле, должны доказывать те обстоятельства, на которые они ссылаются как на основания своих требований и возражений, в то время как, например, пункт 1 статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 года (по состоянию на 19 февраля 2007 года) имеет несколько иное содержание: «Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом». Таким образом, недостаток, имеющийся в ГПК КР, должен быть устранен, в противном случае цель нормативного закрепления различного рода презумпций, в том числе и презумпции отцовства, будет достигнута не в полной мере.

Одним из принципов семейного права является положение, в соответствии с которым в Кыргызской Республике признается брак, зарегистрированный в установленном законом порядке (п. 2 ст. 1 СК КР).

Получающие в последнее время в нашем обществе все большее распространение внебрачные семьи остаются вне правового воздействия. Статистические данные показывают, что около трети новорожденных – дети матерей, не состоящих в браке (на 2004 год – 32,3%), из них 2/3 – дети, которых регистрируют по совместному заявлению родителей [7, 46].

Несмотря на то что внебрачные фактические отношения характеризуются признаками, свойственными семье, основанной на браке, а порой и большей стабильностью, современное право индифферентно к таким отношениям. Ситуация не меняется и тогда, когда в такой семье рождается ребенок. Ребенок, родившийся от лиц, не состоящих в браке друг с другом, имеет те же права и обязанности по отношению к родителям, что и ребенок, родившийся в браке (ст. 58 СК КР). Что касается установления происхождения такого ребенка, то оно будет осуществляться в соответствии с правилами, установленными для регистрации детей, рожденных вне брака.

По этому поводу в литературе нередко возникают возражения. Например, Е.А. Душкина

считает, что непризнание правом внебрачных семей ведет к нарушению не только интересов ребенка, но и матери, которая, по словам автора, фактически наказывается за то, что она родила ребенка вне брака [8, 79]. Далее автор предлагает, что рождение ребенка должно стать основой признания такой семьи, а фактические супруги должны быть наделены всеми правами и обязанностями супругов, проживающих в зарегистрированном браке [8, 80].

Разрешение вопроса о применении презумпции отцовства в отношении детей, рожденных вне брака, целиком и полностью зависит от разрешения проблемы правового регулирования фактических внебрачных отношений, которая привлекает внимание ученых не только в области права, но и в других сферах общественного познания (социологии, психологии и др.), что свидетельствует об определенной сложности и неоднозначности разрешения данного вопроса требующего тщательного изучения. Все это, безусловно, отразилось на имеющихся в настоящее время научных исследованиях по указанному вопросу, характеризующихся не только неоднородностью содержания, но и разнообразием терминов, обозначающих незарегистрированные союзы между мужчиной и женщиной. Наиболее часто встречаемыми в литературе обозначениями таких союзов являются «фактические брачные отношения» [9], «фактический брак» [10], «сожитительство» [11], «внебрачный союз» [12]. Такое разнообразие терминов объясняется отсутствием в современном семейном законодательстве понятия, обозначающего данное социальное явление.

В истории развития брачных правоотношений был период, когда внебрачные отношения приравнивались к зарегистрированным. Начало этого периода связано с принятием в 1926 году Кодекса законов о браке, семье и опеке, а его окончание определил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждения ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»» [13], который придал юридическое значение только зарегистрированному браку [14, 68–78]. Положение, согласно которому внебрачные союзы имели те же правовые последствия, что и зарегистрированный брак, стало наиболее существенным нововведением Кодекса законов о браке, семье и опеке

1926 года. Именно в этом нормативно-правовом акте впервые было употреблено понятие “фактический брак”.

На самом деле термины “фактический брак” или “фактические брачные отношения” вполне могли быть использованы, так как в то время, в отличие от настоящего, брак как правовой институт не обладал таким обязательным признаком, как регистрация в установленном законом порядке. В связи с этим наиболее верным было бы применение терминов “внебрачный союз” или “внебрачные отношения”.

Современные исследователи, в целом оценивая сложившуюся в период 1926–1944 годы ситуацию с фактическими браками как негативную, отмечают, что государство “фактически потеряло критерии для определения тех семейных союзов, которые могли получать правовую защиту, поскольку и незарегистрированное сожительство в соответствии с законом вправе было рассчитывать на нее” (см., напр.: [11, 112]). Ведь в результате это привело к тому, что наряду с зарегистрированным браком лица могли иметь и неопределенное количество фактических внебрачных отношений. Перед судом стояла сложнейшая задача – придать юридическое значение только тем отношениям, которые, по мнению суда, не расценивались как легкомысленные. Кроме того, в указанный период запись об отце ребенка осуществлялась на основании простого заявления со стороны матери. Оспорить эту запись можно было только в течение года с момента производства данной записи. При этом законодательство того времени было построено таким образом, что “любое дело об установлении отцовства заканчивалось установлением отцовства” [11, 72]. Реальную возможность отмены установления отцовства имели только те лица, которые находили настоящего отца [11, 72].

Опыт правового регулирования внебрачных отношений того периода вызывает в настоящее время оправданную осторожность со стороны законодателя и бурные дискуссии среди ученых в области семейного права. Некоторые из них, например Е. А. Душкина [8], выступают за полное правовое признание таких союзов между мужчиной и женщиной, если у них есть ребенок. Другие говорят о возможности семейно-правового регулирования внебрачных отношений при наличии определенных условий: существование такого союза определенный период времени (он не должен быть слишком коротким или, наоборот, слишком продолжительным); не должен нарушаться принцип моногамии; смерть одного

из фактических супругов либо признание его недееспособным; такие отношения признаются только по поводу имущества (см., напр.: [9]). Третьи не признают юридической силы за фактическими браками (см., напр.: [15, 75]) и расценивают правовое воздействие как необоснованное вмешательство в столь деликатную область взаимоотношений между людьми. Даже если допустить мысль об этом, то для этого потребуется обработка социально значимой информации об объективных причинах образования и распада таких союзов, длительности их существования и т.д. [11, 119].

Так или иначе, рассматривая проблему внебрачных отношений в плане установления происхождения ребенка, можно утверждать, что процедура регистрации рождения во внебрачных отношениях ребенка не может быть такой же, как и при рождении ребенка в браке. Презумпция отцовства, а вместе с ней и упрощенная регистрация акта рождения неприменимы в такой ситуации. Совместное проживание родителей до рождения ребенка, ведение общего хозяйства и наличие всех остальных признаков, характеризующих фактические внебрачные отношения как семью, могут рассматриваться лишь как обстоятельства, подтверждающие факт происхождения ребенка от данных лиц. Наиболее правильно установить данные обстоятельства возможно только в условиях судебной формы защиты прав и интересов как родителей, так и их детей.

Литература

1. *Ворожейкин Е.М.* Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972.
2. *Оридорога М.Т.* Вопросы семейного права / Киевская высшая школа МВД СССР. Киев, 1969.
3. *Демидова Г.С.* Особенности внесения сведений об отце при государственной регистрации рождения ребенка // *Цивилист. 2008.* №4.
4. *Тарусина Н.Н.* Вопросы теории семейного права и гражданского процесса. М.: Проспект, 2001.
5. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М.: Изд-во бр. Башмаковых, 1914.
6. *Диденко А.Г.* Избранное. Постсоветский период. Алматы: Юрид. лит., 2004.
7. Женщины и мужчины Кыргызской Республики 2000–2004: Сб. гендерно-разделенной статистики. Бишкек, 2005.
8. *Душкина Е.А.* Проблемы защиты семейных прав по семейному законодательству Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2006.

А.Ш. Маралбаева. Концепции правопонимания в переходный...

9. Слепакова А.В. Фактические брачные отношения и право собственности // Законодательство. 2001. №10.
10. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологические аспекты. СПб., 1998.
11. Косова О.Ю. “Фактические браки” и семейное право // Правоведение. 1999. №3.
12. Босанац М. Внебрачная семья. М., 1981.
13. Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. №37.
14. Антокольская М.В. Семейное право: Учеб. М.: Юрид. лит., 1999.
15. Махмудов М.А. Роль советского семейного права в сохранении и укреплении брака (по материалам Таджикской ССР): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986.